

PARTY
CRASHER

**SOPHIE
KINSELLA**

*Посвящается памяти
Шэрон Пропсон*

Глава 1

Я знаю, у меня получится, я *знаю*. Что бы там кто ни говорил. Это просто вопрос упорства.

— Эффи, послушай меня, ангел не будет держаться, — говорит моя старшая сестра Бин, подходя со стаканом глинтвейна. — Хоть ты тресни.

— Будет.

Я продолжаю наматывать бечевку вокруг любимого серебристого наконечника, не обращая внимания на иголки, колющие руки.

— Не будет. Брось! Он слишком тяжелый.

— Не брошу! — отвечаю я. — У нас всегда был ангел на макушке елки.

— А эта вдвое меньше обычной, — говорит Бин. — Или ты не заметила? Это не елка, а просто палка.

Я быстро окидываю взглядом деревце, стоящее, как обычно, в нише в холле. Разумеется, я заметила, что оно маленькое. Обычно у нас бывают огромные, пушистые экземпляры, а это какой-то доходяга. Но сейчас меня волнует другое.

— У меня *получится*.

Я эффектным движением затягиваю последний узел и отпускаю ветку — она ломается, и ангел с задранной юбкой и выставленными на обозрение панталонами пикирует вниз. Черт бы тебя побрал.

— А что, эффектный ракурс, — гогочет Бин. — Напишем ей на подштанниках «Счастливого Рождества»?

— *Ладно*. — Я отвязываю ангела и делаю шаг назад. — Укреплю ветку палочкой или еще как-нибудь.

— Просто найди другой наконечник! — в голосе Бин слышится веселье пополам с раздражением. — Эффи, почему ты всегда такая упертая?

— Я не упертая, а *упорная*.

— Не давай им спуску, Эффи! — вклинивается в разговор папа, проходя мимо со световой гирляндой. — Борис, упираться и никогда не сдаваться!

У него блестят глаза, щеки порозовели, и я нежно улыбаюсь ему в ответ. Папа меня понимает. Такого стойкого человека, как он, еще поискать. Мама воспитывала его одна в крохотной квартирке в Лейтон-он-Си, и он ходил в школу, где приходилось выживать. Но он упорный — окончил колледж, а затем устроился в инвестиционную компанию. И теперь пожинает плоды: он на пенсии, отлично себя чувствует и всем в жизни доволен. Пасуя при первых трудностях, этого не добьешься.

Ну да, иногда его упорство переходит в иррациональное упрямство. Как, например, когда он категорически отказался сойти с дистанции во время десятикилометрового благотворительного забега, хотя хромал и, как выяснилось, порвал икроножную мышцу. Но, как он впоследствии заявил, свою лепту он внес, задачу выполнил и жить будет. Когда мы были маленькие, папа всегда говорил «Жить будешь!», что порой веселило, порой ободряло, а порой было совершенно неуместно. (Иногда не хочется слышать про то, что жить будешь. Хочется смотреть на расквашенную коленку и рыдать и чтобы кто-нибудь нежно приговаривал: «А кто это у нас такая храбрая девочка?»)

Папа, очевидно, приложился к глинтвейну до моего прихода — ну и что, имеет право. На носу Рождество, *еще* у него день рождения, *а еще* мы украшаем дом. Наряжать елку в папин день рождения — это наша традиция. Даже сейчас, когда все выросли, мы каждый год приезжаем в «Зеленые дубы», наш фамильный дом в Сассексе.

Когда папа исчезает на кухне, я подхожу к Бин и понижаю голос:

— А почему Мими в этом году купила такую маленькую елку?

— Не знаю, — после паузы говорит Бин. — Возможно, старается быть практичной? Мы же уже взрослые.

— Возможно, — говорю я, но такой ответ меня не устраивает.

Мими, наша мачеха, — натура художественная и творческая, с кучей причуд. Ей всегда нравилось украшать дом к Рождеству, ее принцип: чем больше, тем лучше. С чего вдруг она решила быть практичной? В следующем году я отправлюсь на рождественский шопинг вместе с ней и аккуратно напомню о том, что в «Зеленых дубах» всегда была большая елка и менять эту традицию не стоит, пусть даже Бин сейчас тридцать три, Гасу — тридцать один, а мне — двадцать шесть.

— Наконец-то! — прерывает мои мысли Бин, бросая взгляд на телефон.

— Что?

— Гас. Только что прислал видео. Говорит, еле успел.

Примерно месяц назад папа сказал, что в этом году подарков ему не нужно. Можно подумать, нас это останавливает. Но если честно, то джемперов, запонок и прочего добра у него действительно много, поэтому мы решили быть креативными. Бин с Гасом смонтировали

видео, которое Гас только что доделал, а я подготовила свой сюрприз и жду не дождусь возможности показать его папе.

— Думаю, Гас был слишком занят с *Ромилли*, — говорю я, подмигивая Бин, которая скалится в ответ.

Наш братец Гас недавно обзавелся потрясающей подружкой по имени Ромилли. Мы не *удивлены*, мы, разумеется, не *удивлены*, но... м-да. Дело в том, что это Гас. Он рассеянный. Расплывчатый. По-своему он красавчик и душка и классный программист. Но альфа-самцом его не назовешь. В то время как она — настоящий энеджерджер с идеальными волосами и в шикарных платьях на бретелях (я посмотрела ее фотки в Интернете).

— Хочу быстро глянуть видео, — говорит Бин. — Пойдем наверх.

Она первой идет по лестнице и добавляет:

— Ты упаковала папин подарок?

— Нет еще.

— Я привезла упаковочную бумагу и ленточку на случай, если тебе понадобится. И, кстати, заказала рождественскую корзинку для тети Джинни. Я потом скажу, сколько ты мне должна.

— Бин, ты — чудо, — признательно говорю я. Это действительно так. Она всегда думает на шаг вперед. У нее всегда все схвачено.

— И вот еще что. — Когда мы оказываемся на площадке, она запускает руку в сумку. — Давали три по цене двух.

Она вручает мне спрей с витамином D — я прикусываю губу, стараясь не рассмеяться. Бин превращается в маниакально одержимого сотрудника по безопасности и гигиене труда. В прошлом году она пичкала

меня капсулами с рыбьим жиром, а до этого был зеленый чай матча.

— Бин, ну зачем ты покупаешь мне витамины! Спасибо, конечно, — запоздало говорю я.

Мы заходим в ее комнату, и я радостно осматриваюсь по сторонам. Сколько себя помню, здесь всегда было так — раскрашенная вручную мебель с Кроликом Питером появилась у нее в пять лет: две односпальные белые деревянные кровати, комод, платяной шкаф и туалетный столик. Все наше детство она собиралась обзавестись чем-нибудь покрупнее, но так и не смогла расстаться с Кроликом, так что он по-прежнему здесь. Для меня он так сильно ассоциируется с ней, что при виде Питера я всегда думаю про Бин.

— А ты не думала пригласить сегодня Доминика? — спрашивает она, открывая iPad, и меня окатывает теплом при звуке его имени.

— Нет, для «знакомства с семьей» еще слегка рано. У нас было всего несколько свиданий.

— Но хороших?

— Да, хороших, — счастливо улыбаюсь я.

— Отлично. Итак, приступим...

Она ставит планшет на туалетный столик, и на экране появляются хитроумные заглавные титры — «Единственный и неповторимый... Тони Талбот!» Далее следует папина фотография из лейтоновской газеты, на ней ему одиннадцать лет, он выиграл конкурс по математике. Затем фотография с выпуска и свадебный снимок с нашей биологической мамой Элисон.

Я смотрю на ее миловидное лицо с большими глазами и, как всегда, глядя на ее фотографии, испытываю странное чувство отчужденности, а хотела бы ощущать больше связи. Мне было всего восемь месяцев, когда

она умерла, и три года, когда папа женился на Мими. Это Мими баюкала меня, когда я болела, пекла пироги на кухне и всегда была рядом. Мими — моя мама. Бин и Гас — другое дело, у них есть смутные воспоминания об Элисон. А у меня есть только фамильное сходство, и его, прямо скажем, через край. Мы все пошли в нее — широколицые, скуластые, с широко расставленными глазами. У меня такой вид, точно я все время удивлена, а большие голубые глаза Бин всегда смотрят вопросительно. У Гаса, напротив, отсутствующий вид, точно он вообще ни на что не обращает внимания (и это на самом деле так).

На экране идет нарезка из старых домашних видео, и я наклоняюсь ближе к планшету. Вот папа держит на руках малышку Бин... а это семейный пикник... Папа строит замок из песка для карапуза Гаса... А эти кадры я уже видела: папа подходит к двери «Зеленых дубов» и театральным жестом открывает ее — в тот день дом стал нашим. Он часто говорит, что покупка такого дома — один из важнейших моментов его жизни. «Мальчонка из Лейтон-он-Си выбился в люди», как он выражается.

Потому что «Зеленые дубы» — это не просто старый дом. Он *потрясающий*. Он с характером. У него есть башенка! И витражное окно. Гости нередко называют его «эксцентричным» или «причудливым» или просто восклицают: «Ух ты!»

Да, конечно, встречаются и такие низкие, ничего не смыслящие душонки, которые называют его «уродливым», но их немного. Они *слепы* и *зablуждаются*. Когда я впервые услышала, как одна странная особа в деревенском магазине назвала «Зеленые дубы» «страхолодством», я была потрясена до глубины души. Мое един-

надцатилетнее сердце закипело от негодования. Прежде я никогда не встречала архитектурных снобов, я даже не подозревала об их существовании. Я пламенно и безраздельно любила свой дом — все то, что высмеивала эта незнакомая, подлая тетка. Начиная от так называемой «уродливой кирпичной кладки» — она вовсе *не* уродливая — и заканчивая курганом. Это такой самопроизвольно возникший в саду крутой холм, прилегающий к стороне дома. Тетка посмеялась и над ним, а мне хотелось крикнуть: «На нем отлично разводить костры, вот так-то!»

Но вместо этого я пошла из магазина, бросив возмущенный взгляд на хозяйку, миссис Макадам. К ее чести, она выглядела слегка шокированной и крикнула мне вслед:

— Эффи, дорогая, ты хотела что-то купить?

Но я не стала возвращаться и до сих пор не знаю, кем была та язвительная тетка.

С тех пор я внимательно наблюдаю за тем, как люди реагируют на «Зеленые дубы». Порой они с разинутыми ртами отступают назад и обозревают его, ища, что бы такого позитивного сказать. Я не говорю, что это — проверка характера, хотя на самом деле это и есть проверка характера. Тех, у кого для «Зеленых дубов» не находится ни одного доброго слова, я считаю гнусными снобами и игнорирую.

— Эффи, смотри, это ты! — восклицает Бин, когда на экране идут новые кадры. Я, совсем малышка, ковыляю по лужайке, держась за руку восьмилетней Бин.

— Ничего страшного, Эффи, — весело говорит она, когда я падаю. — Давай еще раз!

Мими всегда говорит, что Бин научила меня ходить. И ездить на велосипеде. И заплетать волосы.

Мрачный год смерти Элисон обойден стороной, отмечаю про себя я. Это видео о счастливых временах. Что ж, почему нет? Не нужно напоминать папе о грустном. Он нашел счастье с Мими и своей жизнью доволен.

Слышится звонок — Бин на него не реагирует, а я настороженно поднимаю голову. Я жду рождественский подарок Мими. Я отдельно оговорила, что его нужно доставить сегодня, и не хочу, чтобы Мими ненароком его открыла.

— Бин, — говорю я, нажимая на паузу на экране планшета. — Сходишь со мной к воротам? Думаю, это доставили швейный стол для Мими, и я хочу пронести его тайком. Но он довольно большой.

— Конечно, — говорит Бин, закрывая видео. — Ну, как тебе?

— Потрясающе, — убежденно заявляю я. — Папе это *очень* понравится.

Мы спешим вниз по лестнице, а Мими накручивает гирлянду на перила. Она поднимает глаза и улыбается нам, но ее лицо кажется слегка напряженным. Возможно, ей нужно отдохнуть.

— Я к воротам, — поспешно говорю я. — Вероятно, доставка.

— Спасибо, Эффи, дорогая, — по-ирландски мягко и напевно произносит Мими.

На ней индийское платье с блочным принтом, а волосы перехвачены деревянной заколкой, раскрашенной вручную. Она ловко завязывает узлом красную бархатную ленту, и, само собой, ничего не падает. Как обычно.

Мы с Бин идем по гравийной дорожке к большим кованым воротам, а в воздухе уже сгущается зимний

сумрак. Снаружи припаркован белый фургон, и бритоголовый парень держит картонную коробку.

— Это не то, — говорю я. — Слишком маленькое.

— Доставка для приходского священника, — говорит парень, когда мы открываем калитку. — Там никого нет. Можно у вас оставить?

— Конечно, — говорит Бин, протягивая руку и собираясь поставить закорючку на планшете доставщика, но я ее останавливаю.

— погоди, не расписывайся. Я как-то расписалась за соседскую доставку, а внутри была стеклянная ваза, которая оказалась разбитой, и они не смогли оформить возврат, потому что подпись была моя, и они обвинили меня. — Я выдыхаюсь и замолкаю. — Сначала нужно проверить.

— Да все в порядке, — нетерпеливо говорит парень, и я напрягаюсь.

— Никогда не знаешь наверняка.

Я открываю коробку и достаю счет-фактуру.

— Скульптура «Йога», — читаю я. — Сборка включена. — Я с торжествующим видом смотрю на парня. — Получается, не все в порядке. Придется тебе ее собрать.

— Я ничего не собираю, — говорит парень, противно шмыгая носом.

— А придется, — замечаю я. — Так тут написано: «Сборка включена».

— Ну да, верно.

— Тогда собирай! — упорствую я. — Иначе мы не распишемся.

Парень злобно сверлит меня взглядом, потирает бритую голову, а затем говорит:

— Ну, ты и заноза в заднице. Тебе это уже говорили?

— Да, — отвечаю я, скрепя руки. — Тысячу раз.